

JEL classification: C81, N01, N53

УДК 338.43(470)(091)

DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(2).215-238

И.А. Кузнецов

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации;
Московская высшая школа социальных и экономических наук,
г. Москва, Российская Федерация*

Урожайная статистика России 1883–1914 гг.: к дискуссии о пересмотре данных

Аннотация. Статья посвящена дискуссии о возможности поправок в статистику урожаев поздней Российской империи. Автор критически анализирует аргументы С.А. Нефедова, предложившего 19%-ю повышающую поправку в данные до 1893 г. при неизменности данных 1893–1914 гг. В статье доказывается, что эта поправка необоснованна и нелогична. Скачок урожайности в 1893–1894 гг. может иметь естественное объяснение и согласуется с данными других источников. Информация, которую сообщил Д.Н. Иванцов в примечании в книге 1915 г., и оценки урожайной статистики Центрального статистического комитета, данные экспертами «Комиссии Центра» в 1901 г., не доказывают наличия разрыва сопоставимости в урожайной статистике между 1892 и 1893 гг. Если предположить, что этот разрыв существовал, следует рассматривать динамику урожайности 1893–1914 гг. отдельно от предыдущего периода. В таком случае урожайность в Европейской части России до Первой мировой войны имела тенденцию к росту, и нет оснований говорить о сокращении производства хлебов на душу населения, которое было стабильным.

Ключевые слова. Статистика урожаев, урожайность, Центральный статистический комитет, С.А. Нефёдов, Д.Н. Иванцов.

Информация о статье. Дата поступления 17 апреля 2024 г.; дата принятия к печати 13 июня 2024 г.; дата онлайн-размещения 5 июля 2024 г.

I.A. Kuznetsov

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration;
Moscow Higher School of Social and Economic Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

Russian Crop Statistics from 1883 to 1914: To the Discussion about Data Revision

Abstract. The article is devoted to the discussion on the possibility of amendments to the crop statistics of the late Russian Empire. The author critically analyzes the arguments of S. A. Nefedov, who proposed a 19 % upward adjustment to the data up to 1893, while keeping the data for 1893–1914 unchanged. The article proves that this amendment is unjustified and illogical. The spike in yield in 1893–1894 may have a natural explanation and aligns with data from other sources. Information provided by D.N. Ivantsov in a 1915 book, and assessments of the Central Statistical Committee's crop statistics, given by the experts of the “Commission of the Center” in 1901, do not prove a discontinuity in crop statistics between 1892 and 1893. If such a discontinuity existed, the yield dynamics from 1893 to 1914 should be considered separately from the preceding period. In this case, crop yields in European Russia before World War I showed a tendency to increase, and there are no grounds to speak of a decline in per capita grain production, which remained stable.

Keywords. Crop statistics, yield, Central Statistical Committee, S.A. Nefedov, D.N. Ivantsov.

Article info. Received April 17, 2024; accepted June 13, 2024; available online July 5, 2024.

Введение. Статистика, «оптимизм» и «пессимизм»

Статистика урожаев царской России оказывается в центре дискуссий всякий раз, когда историки спорят об уровне экономического развития страны и уровне благосостояния крестьянства. Наиболее плотно эта дискуссия захватывает статистику конца XIX — начала XX вв., по-

скольку она связана с обсуждением предпосылок российских революций.

Говоря об урожайной статистике, обычно имеют в виду статистику Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД, существовавшую с 1883 г. Кроме нее были и другие: статистика «всеподданейших отчетов губернаторов» (губернаторская); статистика Департамента земледелия (департаментская); земская. Министерство финансов, неудовлетворенное статистикой МВД, с конца XIX в. запрашивало сведения об урожае от податных инспекторов и еще «Торгово-промышленная газета» получала их от своих корреспондентов. Статистика ЦСК была среди них наиболее репрезентативной и близкой к статистике в современном понимании этого слова, она единственная из всех давала цифры и урожайности (урожай с десятины), и посевных площадей, и абсолютных урожаев (сборов). Целью этой статистики был последний показатель — урожай (сбор), поскольку МВД отвечало за продовольственную безопасность и оказание помощи в случае неурожая и голода.

Большинство экспертов считали цифры сборов заниженными относительно действительности, но цифры урожайности — пригодными для анализа динамики на длительных отрезках времени. Они полагали, что ЦСК давал «сопоставимые погубернские ряды урожайности с 1883 г.», поскольку методы подсчета урожайности на основе анкет из конкретных хозяйств все это время «существенно не менялись», по крайней мере сравнительно с другими статистиками ЦСК отличался «большой однородностью методов собирания на протяжении всего периода в 33 года» (1883–1915) [1, с. 290, 293] и «в наименьшей степени нарушил основное условие правильной регистрации текущих явлений, — именно, неподвижность приемов наблюдения» [2, с. 75]. Разными авторами предлагались повышающие поправки (от 5 % до 20 %), однако в любом

случае плюсовая шкала поправки не влияет на динамику корректируемого показателя, а вносить поправки, дифференцированные по периодам или регионам, исследователи до недавнего времени не решались.

Динамика урожайности по данным ЦСК демонстрирует рост. В 1927 г. А.Л. Вайнштейн показал, что за 33 года в губерниях Европейской России среднегодовой прирост урожайности основных зерновых составил в среднем 1,0 — 1,1 % (по 0,41 — 0,43 пуда с десятины в год) [1, с. 298]. В.М. Обухов тогда же подсчитал, что чистая урожайность за 32 года выросла на 52,5 %, население возросло сильнее — на 59,1 %, но прирост продукции зерновых на душу населения тем не менее опережал рост населения: чистые сборы (за вычетом семян) выросли с 19,7 пуда на душу до 23,5 пуда на душу, то есть на 19,3 % [3, с. 13–14]. В этих расчетах В.М. Обухов использовал цифры не только урожайности, но и урожаев (сборов) как сопоставимые на всем протяжении с 1883 г. Автор данной статьи сделал следующий шаг и проанализировал региональную динамику подушевых сборов в 1883–1913 гг., показав, что прогресс в одних регионах сочетался со стагнацией и снижением в других [4].

В современной историографии статистика урожаев подвергается критике с двух сторон. Сторонники «оптимистической» точки зрения на экономический рост поздней имперской России объявляют ее «все-таки недостоверной» [5, с. 58–96], считая, что она в недостаточной степени отражала прогресс хозяйства. Сторонники «пессимистического» подхода ищут в ней подтверждение своего тезиса об отсутствии прогресса или даже регрессе. Но как это можно сделать? А.В. Островский предположил, что сопоставимость данных ЦСК об урожайности была нарушена некоей реформой, произведенной внутри Комитета в 1893 г. [6, с. 216]. Отбросив на этом основании цифры раннего периода, он подсчитал урожай на душу населения в 1896–1915 гг.

и оказалось, что «обеспеченность населения хлебом... фактически колебалась на одном уровне...» [6, с. 347]. С.А. Нефёдов пошел дальше и обнаружил сокращение обеспеченности по мере приближения к революции. Для этого он ввел дифференцированную поправку: цифры урожайности до 1890 г. повысил на 19 %, а данные с 1893 г. оставил без поправок. Следствием стало изменение динамики производства на душу населения: теперь от 1883–1887 к 1909–1913 гг. «душевое производство... уменьшилось не менее чем на 5,5 %», а с учетом экспорта «остаток не увеличился, а уменьшился не менее чем на 9,1 %» [7, с. 96]. Из этого он сделал далекоидущие выводы: «В итоге можно констатировать, что существовавшие до сих пор представления об экономическом развитии России во второй половине XIX в. требуют ревизии с учетом новых обстоятельств. „Пессимистическая“ точка зрения получает при этом дополнительную аргументацию» [там же, с. 97]. Данная статья имеет целью проверить качество аргументов, лежащих в основе «поправки Нефёдова».

Аргументы С.А. Нефёдова

Вслед за А.В. Островским С.А. Нефёдов предполагает разрыв сопоставимости данных в 1893 г. Предположение опирается на одно примечание в книге Д.Н. Иванцова 1915 г. В основном тексте Д.Н. Иванцов указывал «три реформы в организации собирания данных» ЦСК, две из которых он (заметим, ошибочно) датировал одним годом: «1) устранение посреднической роли губернских комитетов в 1893 году...; 2) совершившийся в том же 1893 году переход к ежегодному учету площадей посевов при помощи сельской администрации...» [2, с. 75]. (Третья реформа — 1905–1906 гг. — не относится к нашей дискуссии.) Но в примечании исследователь загадочно говорил еще об одной реформе, оставленной им вне нумерации: «В личной беседе с одним из самых видных деятелей

Центр. Комитета нам удалось установить, что одновременно с этой реформой в собирании посевных данных произошло (для нас не совсем ясное) изменение и в технике учета их в самом Комитете, благодаря чему подесятинные сборы „несомненно поднялись” в общем „не менее как на 10 %”» [2, с. 75]. Д.Н. Иванцов обещал вернуться к этому вопросу в следующих разделах своей книги, однако не вернулся.

Отталкиваясь от этого примечания, С.А. Нефёдов предположил, что «скачок урожайности должен наблюдаться при переходе от 1892 к 1893 г.» [7, с. 94]; действительно обнаружил там скачок в 42 %, но отказался принять его в качестве поправки. Он сравнил среднюю урожайность зерновых по двум пятилетиям, до гипотетической реформы и после, причем исключил самый неурожайный 1891 г., а заодно, руководствуясь принципом неразрывности интервала, и 1892 г. Так он нашел, что урожайность поднялась на 19,2 %: в 1886–1890 гг. она составляла 37,3 пуда с десятины, а в 1893–1897 гг. уже 44,5, но если расширить хронологические рамки, то «скачок урожайности» может и еще увеличиться. Полагая, что 19%-й прирост в действительности был невероятным, историк заключил, что он явился следствием той самой реформы «техники учета», о которой упоминал Д.Н. Иванцов. «Теперь становится ясным, что “не менее как на 10 %” означает скачок как минимум в 19 %, но, может быть, и больше (21–22 %)», — пишет он и далее везде использует формулу «минимальный скачок в 19 %» [там же, с. 94–96]. Вычисленный прирост урожайности он использует в качестве поправки для корректировки валовых сборов на душу населения в начальный период статистики ЦСК.

Чтобы усилить свой тезис о невозможности реального роста, С.А. Нефёдов цитирует материалы «Комиссии 1901 года», авторство которых он (снова заметим, ошибочно) приписывает «сотрудникам ЦСК», о том, что возможность роста крестьянских урожаев в

пореформенный период «в условиях прогрессирующей выпаханности земель» вообще сомнительна.

В позиции С.А. Нефёдова примечателен ряд моментов. Он не принимает во внимание мнение самого Д.Н. Иванцова, который не считал свой разговор с «видным деятелем» достаточным основанием для каких-либо поправок. Настаивая на несопоставимости статистики до и после 1892 г., С.А. Нефёдов не соглашается ограничить свой анализ рамками сопоставимой части статистического ряда, что было бы логичным выводом из его позиции. Он также не рассматривает предположение, что хотя бы некоторая часть вычисленного им прироста относится на счет реального подъема урожайности, весь прирост он априори считает формальным или фиктивным. Он не решает применить свою повышающую поправку к урожаю 1891 г. (что сделало бы этот год по душевому производству зерна равным 1897 г. и лучшим, чем 1906 г.), просто выводя этот год за скобки. Каждый из этих моментов вызывает вопросы.

Скачки урожайности: диапазон возможного

Основным представляется вопрос о возможности или невозможности 19%-го прироста урожайности в указанный период. Прежде чем использовать прирост в качестве поправки, следовало доказать невозможность реального «скачка в 19 %», однако наш оппонент не привел веских доказательств. По существу, поправка Нефёдова базируется на его убеждении в том, что никакой прирост урожайности в 1890-е гг. был невозможен. Ведь если бы он допускал возможность реального увеличения урожайности хотя бы на сколько-нибудь, он не принял бы весь прирост за фикцию, оставив некоторую часть на долю реальности. Но он этого не делает. «Пессимистическая» точка зрения не доказывается его поправкой, она выступает в качестве предпосылки его поправки.

Обратимся к статистике. Итак, разрыв между 1892 и 1893 гг. по урожайности ЦСК действительно был самым большим за все годы наблюдений, но это еще ничего не доказывает. Погодовая урожайность сильно колебалась в силу естественных причин. В частности, надо учесть, что 1891 г. был катастрофическим, 1892 г. был годом восстановления ослабленного хозяйства, при этом его уровень не достиг прежней нормы (был на 8 % меньше среднего за пятилетие 1886–1890), зато после двух неблагоприятных лет следующие два года, 1893 и 1894, стали необычайно урожайными. Мог ли этот всплеск урожайности быть реальным или он отражает манипуляции ЦСК со статистикой?

В рыночной экономике динамика урожайности находится в обратном отношении с динамикой цен на хлеб. В долгосрочной перспективе это утверждение не работает, поскольку цены определяются совокупностью многих факторов, но при краткосрочных колебаниях резкий подъем производства всегда отражается падением цен и наоборот. Статистику местных цен на основные хлеба собирал Департамент земледелия через своих добровольных корреспондентов, и эта статистика не связана с урожайной статистикой ЦСК. Что показывает динамика цен при переходе от 1892 к 1893 и 1894 гг. в сопоставлении с динамикой урожайности? В табл. 1 приводятся средние осенние цены за пуд соответствующих хлебов по данным Департамента земледелия и средняя взвешенная урожайность зерновых по ЦСК (чтобы у нас не было расхождений в цифрах с оппонентом, берем данные ЦСК из того же источника, которым пользовался и С.А. Нефёдов — из работы В.М. Обухова).

Соотношение показателей 1893 и 1892 гг. демонстрирует, что резкий скачок урожайности (42 %) отождествлялся сильным падением цен (от 20,5 % до 33,8 %). В следующем году сохранение урожайности на необычно высоком уровне второй год подряд и даже незначительный ее прирост (1,4 %) сопровождалось новым

Таблица 1

**Урожайность (пудов с десятины) и цена пуда зерновых
(копеек серебром за пуд)**

	1892	1893	1894	Прирост 1893/1892	Прирост 1894/1893	Прирост 1894/1892
Сред- няя уро- жай- ность	34,3	48,7	49,4	+42,0 %	+1,4 %	+44,0 %
Цена ржи	80	53	36	-33,8 %	-32,1 %	-55,0 %
Цена овса	62	47	33	-24,2 %	-29,8 %	-46,8 %
Цена ячме- ня	70	50	38	-28,6 %	-24,0 %	-45,7 %
Цена пше- ницы ози- мой	88	70	48	-20,5 %	-31,4 %	-45,5 %
Цена пше- ницы яровой	90	65	49	-27,8 %	-24,6 %	-45,6 %

Источники: Обухов В.М. Движение урожаев в Европейской России в период 1883–1915 гг. / В.М. Обухов // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под общ ред. В.Г. Громана. Москва : РАНИОН, 1927. Ч. 1. С. 2; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Санкт-Петербург : МЗиГИ, 1903. Вып. 2. С. 22–41.

обвалом цен (от 24 % до 32,1 %), непропорциональным приросту урожайности. Каскадное падение цен два года подряд невозможно объяснить манипуляциями со статистикой урожая. Очевидно, что рынок реагировал на резкое увеличение предложения и затоваривание, возникшее на втором году неожиданного роста. Особенно выразительно сравнение ситуации 1894 и 1892 гг.: урожайность была на 44 % выше, чем в 1892 г., а цены ниже на 45,5 % — 55,0 %.

С этой точки зрения, скачок урожайности, продемонстрированный статистикой ЦСК, в принципе не выглядит искусственным.

Однако С.А. Нефёдов прав, когда говорит, что сдвиги в урожайной статистике следует рассматривать не по отдельным годам, а по периодам. Вычисленный им прирост урожайности (19,2 %) произошёл от 1886–1890 к 1893–1897 гг. Посмотрим эти же периоды в другой урожайной статистике, департаментской. У нее три известные проблемы: 1) часть цифр заимствовалась из ЦСК — по тем уездам, где Департамент земледелия не имел своих корреспондентов; 2) корреспонденты были сельскими хозяевами выше среднего уровня культуры и зажиточности; 3) Департамент выводил простые средние значения по отдельным хлебам и, не имея данных о посевной площади, из них невозможно вывести среднюю взвешенную для корзины зерновых по всем категориям земель, как это сделал В.М. Обухов для ЦСК. Тем не менее для грубо приблизительных подсчетов, думается, можно воспользоваться урожайностью двух, самых распространенных культур — озимой ржи и овса, по которым доля заимствованных значений была относительно низкой (по нашим подсчетам, менее 20 %), что все же позволяет получить в определенной мере альтернативное представление о динамике урожайности. Департамент показывал урожайность в те годы в четвертях с десятины. Переведем четверти в пуды по среднему весу четверти 1881–1900 гг., взятому из того же источника: рожь — 8 пудов 34 фунта, овес — 5 пудов 25 фунтов. Результат представлен в табл. 2.

Как видим, при различии абсолютных значений, которые здесь выше ЦСК, цифры прироста по департаментским данным близки к данным ЦСК. Озимая рожь демонстрирует прирост на 18,7 и 18,5 %, овес — на 20,7 и 14,8 %. 19%-й прирост вполне вписывается в эту картину.

Таблица 2

**Урожайность озимой ржи и овса
по данным Департамента земледелия
(пудов с десятины и %)**

Культуры	Хозяйства	1886-1890	1893-1897	Прирост
Рожь	владельческие	47,1	55,9	18,7 %
	крестьянские	40,5	48,0	18,5 %
Овес	владельческие	42,2	51,0	20,7 %
	крестьянские	38,0	43,6	14,8 %

Источник: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Санкт-Петербург : МЗиГИ, 1902. Вып. 1. С. 124-127, 130-131, 148-149.

О том, что движение урожайности не выходило за рамки возможного, говорит и сопоставление со статистикой экспорта, которую вел Департамент таможенных сборов Министерства финансов вне связи с ЦСК. В табл. 3 даны размеры вывоза суммы хлебов (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, горох, фасоль, бобы, чечевица, гречиха, просо), с коэффициентом пересчета муки в зерно пшеницы 0,75, ржи 0,9.

Таблица 3

Экспорт хлебов (млн пудов и %) по периодам

1886-1890	1893-1897	Прирост
410,6	503,2	22,5 %
1887-1891	1894-1898	Прирост
432,4	514,1	18,9 %

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 3-й. Санкт-Петербург : ГУЗиЗ, 1909. С. 236.

Вывоз хлебов за границу от 1886-1890 к 1893-1897 гг. увеличился на 22,5 %. За тот же период при росте урожайности на 19,2 % урожай (валовой сбор) вырос на

20,5 %. Поскольку каждый год вывозился хлеб в основном прошлогоднего урожая, имеет смысл сделать сдвиг на год вперед. Тогда вывоз хлебов за границу от 1887–1891 к 1894–1898 гг. увеличился на 18,9 %. Цифры прироста урожайности и сбора по ЦСК (19,2 и 20,5 %) хорошо укладываются в полученную вилку прироста экспорта, который шел из урожаев этих лет (между 18,9 и 22,5 %).

Приведенные сопоставления не дают оснований считать прирост урожайности с 1893 г. «формальным» и «фиктивным». По крайней мере, в значительной своей части его надо признать реальным.

Реформы урожайной статистики ЦСК 1893–1894 гг.

Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов фактор совершенствования работы ЦСК. В 1893–1894 гг. Комитет произвел ряд изменений в своей статистике. О них сообщалось в предисловиях к соответствующим томам «Урожай года», а затем в юбилейном историческом очерке 1913 г.¹ Так, в 1893 г. было два изменения, одно касалось сбора сведений о посевных площадях, другое — урожайных листков, в 1894 г. еще одно изменение, касавшееся урожайных листков.

Напомним, что урожай (сбор) вычислялся Комитетом для каждого уезда умножением урожайности на посевную площадь. Урожайность, в свою очередь, вычислялась по анкетам из конкретных хозяйств. В современной литературе встречается мнение, что ЦСК все показатели каким-то образом выводил из одних и тех же урожайных анкет [5, с. 62], но это ошибка. Учет посевных площадей велся отдельно от урожайности. Первые десять лет Комитет не имел данных о ежегодных изменениях площадей, пользуясь по несколько лет устаревшими цифрами (1881 и 1887 гг.), к которым

¹ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1863–1913. Санкт-Петербург, 1913. 374 с.

применялись ежегодно обновляемые коэффициенты урожайности. С 1893 г. сведения о посевных площадях начали запрашивать через губернаторов у местных администраций / полиций каждый год, и с этого времени урожаи (сборы) рассчитывались уже на основе ежегодно обновляемых данных и об урожайности, и о площади.

Сами урожайные листки, рассылавшиеся по хозяйствам, с 1883 г. не менялись. Но до 1893 г. сведения об урожае озимых и яровых хлебов собирались одновременно, на одном бланке, а с 1893 г., чтобы раньше начинать обработку анкет, ЦСК стал рассылать по два бланка: один для озимых хлебов и сена, «предлагая при этом хозяевам дать по ним ответы независимо от яровых хлебов и не выжидая уборки последних», второй — для яровых².

С 1894 г., также для ускорения работы, ЦСК потребовал присылать заполненные листки с мест напрямую, а не через губернские статистические комитеты. Как известно, в 500 уездах Европейской России в 1893 г. было 11 802 волости, ЦСК рассылал по 12 анкет на волость, то есть максимально возможное число анкет (фактическое число не сообщалось) было 141 624 для озимых и столько же для яровых урожаев. В предисловии к первой части «Урожай 1894 года» (озимые хлеба) было сказано, что в 1893 г. при старом порядке через губернские комитеты в ЦСК вернулось 123 803 анкеты (87,4 % максимального числа), а в 1894 г., уже напрямую, — 134 103 (94,7 %)³. То есть возвращаемость анкет возросла на 8,3 %.

Каким образом эти реформы могли повлиять на показатели урожайности? Реформы 1893 и 1894 гг., касавшиеся рассылки и возврата урожайных листов,

² Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1863–1913. Санкт-Петербург, 1913. 3-я пагинация. С. 35.

³ Урожай 1894 года. Ч. 1: Озимые хлеба и сено / Статистика Российской империи. Т. 30. Санкт-Петербург: ЦСК, 1894. С. 2.

по-видимому, не влияли на методы вычисления урожайности. Влияние повышения возвращаемости листов на репрезентативность мы оценить не можем.

Реформа сбора сведений о площадях 1893 г. никак не должна была повлиять на цифры урожайности, выводимые по листкам, ибо она не касалась этих листов. Площади и урожайность являлись независимыми переменными при вычислении урожая (сбора) в уезде. Другое дело, что уездные площади участвуют в вычислениях среднегубернских и среднероссийских цифр урожайности, поскольку они при этом играют роль весов. Например, если в высокоурожайном уезде будет зафиксировано расширение посевных площадей, то при прочих равных высокая урожайность этого уезда войдет в среднюю губернскую с большим весом, и мы будем наблюдать повышение средней урожайности по губернии (и то же по стране). Чтобы оценить степень влияния этого эффекта на рост средней урожайности после 1892 г., надо проанализировать изменение структуры посевных площадей по губерниям и уездам до и после этого года, но это предмет отдельной работы. В целом посевные площади основных зерновых, вычисленные ЦСК в 1893 г., оказались меньше, чем в 1887 г. на 4,7 %.

О каких же реформах ЦСК сообщал Д.Н. Иванцов и почему исследователи были склонны игнорировать его известное примечание?

Беседа студента Д.Н. Иванцова с видным деятелем ЦСК

Дмитрий Николаевич Иванцов (С.А. Нефёдов делает ошибку в инициалах, всюду называя его Д.И.), известный российско-американский экономист, эмигрант первой волны, разрабатывал тему урожайной статистики, будучи студентом Московского университета. Из его книги видно, что молодой экономист был целиком сосредоточен на методах количественного анализа и мало интересовался историей. Перечисляя реформы

урожайной статистики, он, во-первых, ошибся в датировке: первая из названных им реформ («устранение посреднической роли губернских комитетов») была не в 1893, а в 1894 г. Во-вторых, говоря о какой-то еще неизвестной реформе 1893 г., он странным образом умолчал об известной реформе раздельного собирания анкет для озимых и яровых, которая произошла именно в этом году. Все это свидетельствует о том, что Д.Н. Иванцов, ссылавшийся на эксклюзивную информацию высокопоставленного чиновника, был просто не знаком с официальными изданиями ЦСК. «Юбилейного сборника» 1913 г. он не читал, потому что его книга была закончена раньше. Хотя она издана в 1915 г., но как явствует из предисловия, материал был готов еще «три года назад» [2, с. 3], то есть в 1912 г., а первая публикация автора по этой теме состоялась в 1911 г. [8] и в его работе нет данных позже этого года. Если бы он читал предисловия к соответствующим томам «Урожай 1893 года» и «Урожай 1894 года», он не ошибся бы в датах. И ему не пришлось бы сообщать об увеличении возвращающихся в ЦСК анкет со ссылкой на учебник экономической географии, к тому же неточно указывая количество анкет [2, с. 75]. Следовательно, его источником по истории Комитета был разговор с чиновником. Ошибка в датировке говорит о том, что либо чиновника подвела память, либо он невнимательно его слушал. Это снижает доверие к сообщаемой Д.Н. Иванцовым информации о работе Комитета. Так, пропуск известной реформы заставляет предположить, что она и была той «неизвестной» реформой, о которой говорил чиновник, но студент принял это за новую конфиденциальную информацию.

В своем примечании, изложив слова чиновника так, как он их понял, Д.Н. Иванцов признался, что понял их не вполне. Культура научной работы начала XX в. несколько отличалась от современной, но и с позиции того времени выглядит странным, что исследователь в монографии ссылается на приватную бесе-

ду с анонимным информатором, в ходе которой тот сказал нечто, что осталось для самого исследователя не вполне ясным. Почему же он не выяснил этот вопрос, не переспросил собеседника, прежде чем писать об этом в своей книге? Очевидно, потому, что он был тогда лишь студентом и в силу разницы в статусе не мог беседовать с «одним из самых видных деятелей» ЦСК на равных, задавать дополнительные вопросы и просить объяснений, довольствуясь ролью слушателя, случайно допущенного в высшие сферы.

Сам Д.Н. Иванцов однозначно ассоциировал неизвестную реформу с «реформой в собирании посевных данных», то есть с переходом в 1893 г. к ежегодному получению сведений о посевных площадях, так как само его примечание стоит после слов об этой реформе. И здесь возникает логическая неувязка: урожайность выводилась из анкет, чиновник же, в пересказе Иванцова, говорил не об анкетах, а о некоем изменении в работе с посевными площадями, но из его слов выходило, будто это повлияло на «подесятинные сборы», то есть именно на урожайность, а не на валовой сбор. Смысл реформы в таком изложении остается совершенно не ясным.

По-видимому, нелогичность здесь видит и С.А. Нефёдов, но пытается ее замаскировать. Д.Н. Иванцов писал о реформе в «собирании посевных данных» и об «изменении в технике учета их», а в интерпретациях С.А. Нефедова оказывается, что ЦСК якобы «изменил систему определения урожайности по данным анкет» [9, с. 16] или произвел «реформу учета урожайных данных» [7, с. 93]. Но Д.Н. Иванцов говорил не об урожайных данных. Система определения урожайности по данным анкет не менялась. Пытаясь переиначивать текст источника, наш оппонент только усиливает подозрения, что в этом неясном примечании мы имеем дело с эффектом «испорченного телефона».

Таким образом, упоминание Д.Н. Иванцова о разговоре с анонимным чиновником имеет скорее мему-

арное значение, может иметь различные толкования, но вряд ли дает основания для пересмотра статистических данных. Тем более что он и сам так считал.

«Комиссия 1901 года» об урожайной статистике ЦСК

Важным аргументом С.А. Нефёдов считает материалы «Комиссии Центра» («Комиссии 1901 года»), — большого межведомственного коллектива экспертов, работавших под эгидой Министерства финансов с целью выяснить уровень благосостояния крестьянства в конце XIX в. Он трактует их так: «В составленных сотрудниками ЦСК материалах известной “Комиссии 1901 года” также отмечалось, что фиксируемое официальными источниками повышение урожаев в условиях прогрессирующей выпашанности земель представляется сомнительным. “Более вероятным объяснением отмеченного явления служит, по-видимому, большее совершенство сведений о сборе хлебов в последнем десятилетии сравнительно с предшествующим временем, когда статистика урожаев находилась в настолько неупорядоченном состоянии, что сведения о сборе хлебов страдали крайней недостоверностью”. Это прямое указание компетентных специалистов на то, что собираемые и обрабатываемые ими урожайные данные в 1880-х гг. “страдали крайней недостоверностью”, что формальное увеличение урожайности после 1893 г. объясняется “более совершенными сведениями о сборе”» [7, с. 93–94]. Насколько корректна эта аргументация?

Во-первых, урожайные данные для «Комиссии 1901 года» разрабатывали не сотрудники ЦСК. На титульном листе всех томов ее «Материалов» значится: «Разработано Департаментом окладных сборов» (Министерства финансов), то есть ведомством, конкурировавшим с МВД.

Во-вторых, Комиссия разработала данные о посевах, сборах и урожайности по четырем десятилетиям:

1861–1870, 1871–1880, 1881–1890, 1891–1900 гг. Источники и методы этой работы подробно описаны⁴. Для первых двух десятилетий использовались данные губернаторских отчетов, для двух последних – «Урожайи года» ЦСК. Специалисты Министерства финансов признавали: «Цифры посевов и урожаев за два последние десятилетия, заимствованные из ежегодных обзоров Центрального Статистического Комитета, выгодно отличаются, по своей систематичности, однородности и полноте, от всех, использованных в настоящем обследовании, материалов»⁵. Здесь особенно важно отметить признание «однородности» данных ЦСК за оба десятилетия. Ни о каком противопоставлении данных 1880-х гг. данным «после 1893 г.», как это делает С.А. Нефёдов, речи не идет.

В-третьих, эксперты Комиссии здесь же отмечали недостатки статистики ЦСК: «Важнее отметить в цифрах 3-го и 4-го десятилетия другую слабую сторону их, обусловленную общим характером данных Центрального Статистического Комитета. При всей своей видимой обстоятельности, цифры Центрального Комитета не внушают к себе полного доверия, вследствие крайне резких и необъяснимых колебаний в площадях и посевах; в сборе же цифры эти оказываются значительно пониженными против данных других, более надежных, источников»⁶. В этом замечании мы также не находим и намека на противопоставление данных третьего и четвертого десятилетий. Все урожайные данные ЦСК, с момента их появления до 1900 г., оцениваются здесь как единый блок информации. Цифры сборов эксперты считают заниженными, но это замечание относится

⁴ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. П.П. Сойкина, 1903. Т. VI. С. 81–85.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же.

в равной мере и к третьему, и к четвертому десятилетию. То есть если пытаться обосновывать какие-либо поправки в статистику ЦСК, опираясь на мнение «Комиссии 1901 года», то следовало бы вводить повышающие поправки в цифры и до, и после 1893 г.

К чему же тогда относилось процитированное С.А. Нефёдовым замечание Комиссии о «неупорядоченном состоянии» статистики урожаев и ее «крайней недостоверности» в «предшествующем времени»? Очевидно, к губернаторской статистике. В «Материалах» описано, с каким трудом при помощи различных «искусственных приемов вычисления» эксперты сумели привести данные первых двух десятилетий к единой форме с данными ЦСК: основным их приемом была экстраполяция норм и пропорций, которые зафиксировала статистика ЦСК, на цифры более ранней губернаторской статистики⁷.

Почему же в таком случае составители «Материалов» писали, что более совершенные сведения об урожаях были только «в последнем десятилетии» (в единственном числе)? Эту фразу трудно объяснить, ведь они здесь же отмечали «неуклонное повышение урожайности из десятилетия в десятилетие», и это подтверждалось цифрами по всем четырем десятилетиям⁸. Если они полагали, что в реальности роста не было, а было лишь совершенствование статистики, то это совершенствование должно было происходить и во втором, и в третьем десятилетии, а не в одном только четвертом. Возможно, несогласованность формулировок обусловлена коллективным характером работы и наличием разных мнений у ее участников. Так или иначе, материалы «Комиссии 1901 года» ничего не го-

⁷ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. П.П. Сойкина, 1903. Т. VI. С. 82–85.

⁸ Там же. С. 198.

ворят о нарушении сопоставимости урожайного ряда ЦСК между 1892 и 1893 гг.

Разрыв сопоставимости: что делать?

Несмотря на то, что мы не находим веских доводов в позиции нашего оппонента, саму мысль, что часть наблюдаемого прироста урожайности может объясняться изменением методов подсчета, нельзя просто отбросить. ЦСК был довольно закрытой бюрократической структурой. Вполне возможно, что не обо всех своих реформах он сообщал, что были и необъявленные внутренние изменения методик работы, о характере которых историки, увы, могут только фантазировать. Допустим, что с 1893 г. произошел разрыв сопоставимости в статистике урожайности. В таком случае мы будем иметь два ряда: 1883–1892 и 1893–1914 гг. с разнонаправленными трендами (см. рис.).

Тренд урожайности до 1892 г. демонстрирует явную тенденцию к падению (трендовые значения 37,6 → 33,2 пуда с дес.), и это естественно, поскольку

Динамика урожайности и тренды 1883–1914 гг.

Источник: подсчитано по: [3, с. 2].

его финалом был голод 1891–1892 гг. Если поднять этот ряд на 19 %, это не изменит угла падения. На отрезке 1893–1914 гг. проявляется тенденция к росту (43,4 → 48,5 пуда с дес.). Тот, кто настаивает на разрыве сопоставимости в 1893 г. и хочет при этом выяснить тенденцию урожайности перед революцией, очевидно, должен исключить начальный отрезок с падающим трендом и обратиться лишь к периоду начиная с 1893 г. В этом случае прирост окажется меньше, чем вычисленный по всему ряду 1883–1914 гг. без разрыва (35,1 → 50,3 пуда с дес.), но явная тенденция к росту несомненна.

Переходя от урожайности к показателям урожая на душу населения, можно вернуться к выводу А.В. Островского о стабильности среднего душевого производства зерновых в Европейской России после 1893 г. Однако для корректного решения вопроса, тем более для соотнесения душевого производства с экспортом, необходимо учитывать население и урожаи в границах всей России, а не только тех 50 губерний, по которым имеются данные с 1883 г.

Заключение

Предложенная С.А. Нефёдовым 19%-я поправка к урожайности 1883–1890 гг. обусловлена идеологическими мотивами и не имеет под собой прочных оснований: неясное примечание в книге Д.Н. Иванцова лишено внутренней логики, сам этот автор не был компетентен в вопросах внутренней работы ЦСК, наблюдаемый скачок урожайности после неурожайных 1891–1892 гг. может иметь вполне естественное объяснение, как и дальнейшая эволюция урожайности, происходившая со второй половины 1890-х гг. под влиянием растущей рыночной конъюнктуры. «Пессимистическая» точка зрения в данном случае не получила нового весомого подкрепления. Однако это не означает, что статистика ЦСК не должна быть объ-

ектом критики и что вопрос о поправках закрыт. Ни один вопрос не снят с повестки дня. История урожайной статистики нуждается в дальнейшем научном исследовании, в котором идеологические мотивы должны уступить место источниковедению.

Список использованной литературы

1. Вайнштейн А.Л. Избранные труды : в 2 кн. / А.Л. Вайнштейн. — Москва : Наука, 2000. — Кн. 1: Советская экономика 20-е гг. — 516 с.
2. Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторых официальных и земских данных / Д.Н. Иванцов. — Петроград : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. — 178 с.
3. Обухов В.М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. / В.М. Обухов // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. — Москва : РАНИОН, 1927. — Ч. 1. — С. 1–159.
4. Кузнецов И.А. Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов / И.А. Кузнецов. — DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83. — EDN VGRAT // Крестьяноведение. — 2020. — Т. 5, № 1. — С. 53–83.
5. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. — 1072 с.
6. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. / А.В. Островский. — Санкт-Петербург : Полторак, 2013. — 416 с. — EDN YWONXN.
7. Нефедов С.А. О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века / С.А. Нефедов. — DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99. — EDN EIYGRI // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2023. — Т. 22, № 8. — С. 92–99.
8. Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики / Д.Н. Иванцов // Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению : сб. тр. — Москва, 1911. — Ч. 1, т. 3. — С. 50–55.
9. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900 — 1940 годах / С.А. Нефедов. — Москва : Изд. дом Дело, 2017. — 430 с.

References

1. Vainshtein A.L. *Selected works*. Moscow, Nauka Publ., 2000. Bk. 1. 516 p.
2. Ivantsov D.N. *To Criticism of Russian Harvest Statistics: Experience in Analyzing Some Official and Zemstvo Data*. Petrograd, Printing house of V.F. Kirshbaum Publ., 1915. 178 p.
3. Obukhov V.M. Grain Crop Trends in European Russia from 1883 to 1915. In Groman V.G. (ed.). *The Impact of Crop Failures on Russia's National Economy*. Moscow, RANION Publ., 1927, pt. 1, pp. 1–159.
4. Kuznetsov I.A. Production of Grains and Potatoes Per Capita in European Russia in 1883–1913: Regional Dynamics. *Krest'yanovedenie = Russian Peasant Studies*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 53–83. (In Russian). EDN: VGRAT. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83.
5. Davydov M.A. *Twenty Years Before the Great War: The Witte-Stolypin Russian Modernization*. 2nd ed. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2016. 1072 p.
6. Ostrovskii A.V. *Grain Production in European Russia in the Late 19th – Early 20th Century*. Saint Petersburg, Poltorak Publ., 2013. 416 p. EDN: YWOHXN.
7. Nefedov S.A. On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8, pp. 92–99. (In Russian). EDN: EIYGRI. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99.
8. Ivantsov D.N. *To Criticism of Russian Harvest Statistics. Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению. Collected Papers*. Moscow, 1911, pt. 1, vol. 3, pp. 50–55. (In Russian).
9. Nefedov S.A. *Standard of Living and Agrarian Development in Russia from 1900 to 1940*. Moscow, Publishing house of the Case Publ., 2017. 430 p.

Информация об авторе

Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент, Московская высшая школа социальных и экономических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: repytwj68@mail.ru.
ID <https://orcid.org/0000-0001-7088-7872>; SPIN-код: 7137-8782; AuthorID РИНЦ: 779833.

Author

Igor A. Kuznetsov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, the Russian Federation; e-mail: repytwjd68@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7088-7872>; SPIN-Code: 7137-8782; AuthorID RSCI: 779833.

Для цитирования

Кузнецов И.А. Урожайная статистика России 1883–1914 гг.: к дискуссии о пересмотре данных / И.А. Кузнецов. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(2).215-238 // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 2. — С. 215–238.

For Citation

Kuznetsov I.A. Russian Crop Statistics from 1883 to 1914: To the Discussion about Data Revision. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 215–238. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).215-238.